

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Он не заметил, как
Сеидов оказался рядом
с ним, — короткий
взмах, удар бутылкой
по голове, и агент упал.
Алена вздрогнула, но
сумела не крикнуть.*

Чингиз Абдуллаев

Традиции
демонов

ЭКСМО

Фархад Сеидов

Чингиз Абдуллаев
Традиции демонов

«PEN-клуб»

2009

Абдуллаев Ч. А.

Традиции демонов / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2009 — (Фархад Сеидов)

Руководитель российской делегации Фархад Сеидов, ведущий важные переговоры в Ираке, обнаружил, что его «втемную» использует израильская разведка. Ожидается, что на него обязательно выйдет неуловимый террорист аль-Рашиди. Ракета, выпущенная на сигнал радиомаяка, вмонтированного в перстень Фархада, уничтожит опасного преступника. При этом погибнет и Сеидов, но это издержки сложной операции. Подобный вариант не устраивает ни Сеидова, ни его помощницу – Алену Сизых, офицера Службы внешней разведки. Они делают все, чтобы выйти из этой грязной игры. Но вот агент израильтян, внедренный в состав российской делегации, делает все, чтобы операция успешно завершилась. Ситуация принимает совершенно непредсказуемый характер, когда в нее вмешивается сам аль-Рашиди.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Чингиз Абдуллаев

Традиции демонов

«Только простак может соблюсти себя в чистоте, кто умен и многогранен и не хочет остаться совсем в стороне от мимотекущей жизни, тот неминуемо должен замарать свою душу и стать предателем».

Лион Фейхтвангер

«Не засиживайтесь в обществе собственного трупа, дело сделано, жизнь закончилась – раскланивайтесь и уходите».

Джозеф Стерлинг

Глава 1

Утром он проснулся раньше обычного. Вспомнил события последних дней и нахмурился. Затем прошел в ванную комнату, чтобы побриться. Где-то далеко раздался глухой взрыв. Фархад тяжело вздохнул. Сейчас только половина восьмого утра. Неужели кто-то убивает людей и в это время? Он посмотрел на себя в треснувшее зеркало. В столице Ирака вот уже пять лет гремят взрывы и раздаются выстрелы. Здесь идет самая настоящая война. Всех против всех. И конца ей не видно. Сегодня его делегация вылетает из Багдада в Басру. Сегодня они полетят на юг Ирака, чтобы провести переговоры и осмотреть возможные нефтеносные участки, где они будут работать, если сумеют выиграть тендер.

Сорокавосьмилетний Фархад Сеидов, вице-президент компании «Южнефтегазпром», возглавлял делегацию на переговорах о возможной работе его компании на юге Ирака. Он получил это назначение совсем недавно, лишь неделю назад, и сразу был отправлен в эту сложную командировку в Ирак, чтобы провести сложные и ответственные переговоры.

Он посмотрел на кисть своей руки. На левой руке у него было кольцо с черным агатом. Под агатом был вмонтирован передатчик. В Москве его убедили, что будет лучше, если он всегда будет иметь при себе это кольцо. Ему даже сделали небольшую операцию, надевая кольцо так, чтобы его невозможно было снять. Тогда ему казалось, что он выполняет задание российских спецслужб. Но, оказывается, все было совсем иначе. Вышедшие на связь с ним сотрудники на самом деле были офицерами военной разведки Израиля. Они сумели вычислить Фархада Сеидова, человека, который двадцать два года назад спас жизнь заместителю министра экономики Ирака Фаруху аль-Рашиди, вытащив его из горящей машины под бомбами иранской авиации. И отдавшего ему свою кровь, благо у них были одинаковые группы.

С тех пор прошло много лет. Сын спасенного аль-Рашиди стал одним из самых известных террористов в Ираке и во всем мире – Юсуфом аль-Рашиди. Чтобы добраться до него и обнаружить его местонахождение, израильтяне пошли на беспрецедентный шаг, решив завербовать именно Сеидова, чтобы использовать его в качестве агента «одноразового действия». Разумеется, он об этом не знал. Но об этом были информированы в Москве. Поэтому наблюдение за подходящим агентом вели сразу две разведки. Израильская и российская. Служба внешней разведки России внедрила в его отдел Алену Сизых, которую он так непредусмотрительно перевел своим помощником.

Хотя почему «непредусмотрительно»? Она ему сразу понравилась, и он намеренно перевел к себе эту симпатичную молодую женщину. И лишь здесь, в Ираке, узнал, что она была офицером российской разведки. Это не помешало ей вчера ночью прийти к нему в номер. Свидание было бурным, но коротким. Затем она поднялась и ушла, а он остался один, обду-

мывая случившееся, и не заметил, как заснул. Сейчас он вспомнил об этом и мрачно покачал головой. Последние годы он не думал о подобных вещах. Он вообще любил свою супругу и старался ее не огорчать. За исключением двух случаев в молодости он почти никогда ей не изменял. Почти никогда, подумал Фархад. Все мы, мужчины, немного подлецы. Обманываем самих себя, оправдывая собственные измены тем, что любим своих жен и никогда бы не променяли их на своих любовниц. При этом позволяем себе измены на стороне и не допускаем даже мысли, что наши жены могут сделать нечто подобное.

За последние дни он перенес так много потрясений, что измена супруге не самое страшное среди них. Выяснилось, что его миловидная помощница была сотрудником российской разведки. А его самого так легко обманули сотрудники израильской военной разведки, решив использовать как агента «одноразового действия». Он ненавидел эти слова – «одноразовое действие». Словно его пытались использовать в качестве презерватива, который выбрасывают после использования. Но, видимо, так его и собирались использовать, если сознательно хотели выйти через него на Юсуфа аль-Рашиди. Самое поразительное, что даже после того, как все стало ясно, уже сотрудники российской разведки не позволили ему избавиться от этого кольца. Он посмотрел на черный камень. Если понадобится, он просто раздробит и это кольцо, и свой палец.

Он побрился, умылся и вышел из ванной. В его группе сейчас шесть человек. Кроме его помощницы, с ним полетят еще четверо. Геолог Вениамин Головацкий, сотрудник технического отдела, специалист по нефтяному оборудованию Семен Резников, сотрудница международного отдела Манана Гацерелия и переводчик Кажгельды Кажгалиев. Вместе с помощницей Аленой Сизых их будет шестеро. И ему сказали, что с ними полетит дипломат из посольства Михаил Емельянович Гладков. Понятно, что он совсем не дипломат, а имеет отношение к другому ведомству, о чем Алена ему прямо и сказала. Значит, семеро, из которых двое разведчиков. Неплохой баланс. Хотя нет никаких гарантий, что среди остальных нет других завербованных агентов.

Интересно, что американцы разрешили российской компании «Южнефтегазпром» принять участие в этом тендере на разработку южных нефтяных месторождений. Понятно, что место особо опасное, все понимают, что рядом находится государственная граница с Ираном, где постоянно дежурят иранские боевые катера. Но все-таки. Откуда такое понимание интересов партнеров? Почему американцы так легко отказались от столь перспективного месторождения? До сих пор они пускали в Ирак только «БП», только английскую «Бритиш петролеум», которая представляла Великобританию – их давнего и самого надежного союзника. Даже французские нефтяные компании не могли получить право доступа в эту страну. И неожиданно американцы согласились допустить к участию в тендере и переговорах российскую нефтяную компанию. Чем это объясняется? Только их опасением нападения террористов? Когда речь идет о миллиардах прибыли, никакие опасности не могут остановить американские компании. Тогда почему они так легко уступили? Этот вопрос он задавал себе уже несколько дней и не мог найти достаточно вразумительного ответа.

Он посмотрел на часы. В Москве уже проснулись жена и дочь. Сейчас дочь на каникулах – наверно, спит, но Карина работает врачом «Скорой помощи». Если сегодня у нее первая смена, то она уже проснулась. Он достал свой мобильный телефон, набрал домашний номер. Прислушался. Соединение шло долго. Один звонок, второй, третий, четвертый. Никто не отвечает. Он отключил аппарат. Почему они не отвечают? Он почувствовал смутное нарастающее беспокойство. Куда они могли уйти? Что там произошло? Он снова посмотрел на свое кольцо. Неужели их возможное исчезновение связано с этим проклятым кольцом? Неужели он каким-то образом подставил свою семью?

Нужно позвонить на мобильный Карине. Она никогда не отключает свой мобильный, даже ночью. Или она что-то почувствовала и не хочет вообще с ним разговаривать? Жена была

способна чувствовать его состояние, это он прекрасно знал. После стольких лет, проведенных вместе, после стольких испытаний и двадцати четырех лет жизни она угадывала его настроение, даже глядя на его спину. Он почувствовал, как дрожат руки, когда он набирал ее мобильный. Или она смогла каким-то неведомым ему образом узнать, что именно произошло здесь вчера ночью, когда он изменял ей со своей помощницей? Какая глупость. Но тогда почему они не отвечают на звонки? Куда пропали? Сейчас там около девяти утра, они обе должны быть дома.

Он довольно долго ждал соединения. И наконец услышал гудки мобильного телефона своей супруги. И почти сразу голос Карины, шутливо ответивший ему:

– Доброе утро, господин вице-президент.

– Где вы находитесь? – встревоженно спросил Сеидов. – Куда вы пропали? Я звоню на городской номер, и вы мне не отвечаете.

– А нас нет дома. Сегодня утром я разбудила Марьяшу, и мы поехали смотреть нашу новую служебную дачу. Ты забыл, что тебе как вице-президенту полагается дача? Ты ведь сам предлагал нам туда переехать.

– Верно, – пробормотал он, – значит, вы сейчас в машине?

– Да, мы в машине вместе с господином Кутиным, вашим заведующим хозяйством. Едем смотреть дачу. Напрасно ты так волнуешься. Как у тебя дела?

– Все нормально, – пробормотал он, чувствуя, что краснеет. Ему было стыдно перед женой за вчерашнюю ночь.

– Будь осторожен, – сказала она, – и не забывай, что мы тебя любим.

– Я вас тоже люблю, – пробормотал он, отключаясь.

Кажется, он несколько переоценил ее способность чувствовать состояние супруга на таком расстоянии. Или, сидя в салоне автомобиля, она просто думала о другом. Ему еще предстоит вернуться домой и посмотреть ей в глаза. Ему казалось, что от него даже пахнет чужой женщиной. Или этот запах уже никогда не выветрится? Он поднялся и направился в ванную, чтобы принять душ. Вчера ночью он уже принимал душ, сразу после ухода Алены. Как глупо он себя повел. Даже узнав о ее неискренности и понимая, что у нее к нему вполне конкретный, определенный интерес. Но она ему нравилась, и в тот момент, когда она сама пришла к нему в номер и сама поцеловала его, ему меньше всего хотелось думать о высоких материях и мотивах, которыми она руководствовалась. Рядом была молодая красивая женщина, которая ему так нравилась. И поэтому в тот момент он просто не способен был нормально мыслить. Или не хотел. Скорее, не хотел.

Еще раз приняв душ, он вышел из ванной комнаты, вытираясь полотенцем. Накинул на себя халат. Нужно запретить себе подобные вольности. В конце концов, теперь он точно знает, что его помощник не просто сотрудник компании, а офицер службы внешней разведки, внедренный в их организацию. Но сумеет ли он противостоять зову плоти?

Словно услышав его слова, кто-то постучался в дверь. Он подошел и открыл. На пороге стояла Алена. Она была в легком светлом платье. Было заметно, что она не надела бюстгальтер. Он посторонился, и она вошла в номер.

– Как ты спал? – спросила она, целуя его в щеку.

– Хорошо, – пробормотал он, – а как ты спала?

– Еще лучше, – усмехнулась Алена, – я не думала, что ты сохранил столько энергии в своем возрасте.

– Это намек на мой возраст?

– Это намек на твою силу, – улыбнулась она, поворачиваясь к нему.

На этот раз ее губы не нашли его понимания. Она несколько озадаченно взглянула на него.

– Что произошло?

– Ничего. Просто я подумал, что вчера мы сорвались. А сегодня нужно немного успокоиться и прийти в себя. Ты ведь знаешь, что я женат.

– Это нам сильно мешает? – улыбнулась она.

– Нет. Но мне кажется...

Она раздвинула халат, прикасаясь кончиками пальцев к его груди. Пальцы у нее были холодные. Он даже вздрогнул от неожиданности.

– У нас сегодня сложный день, – уже теряя остатки благоразумия, прошептал Фархад.

В сорок восемь лет трудно сопротивляться обольщению молодой женщины, которая младше тебя почти на двадцать лет.

– Я об этом помню, – хитро улыбнулась она. Руки скользнули вниз.

«Прости, Карина», – обреченно подумал Сеидов, уже не сопротивляясь. Если честно признаться самому себе, то он рассчитывал на нечто подобное, когда сам включал в состав своей группы новую помощницу. Но их развивающиеся отношения носили какой-то необычный характер. Сначала он был руководителем, а она его помощником, и это было понятно. Затем выяснилось, что она офицер разведки, а он всего лишь «одноразовый агент», и их места, скорее, поменялись. Теперь было понятно, что именно она занимает в их дуэте ведущую роль. Так она вела себя и во время интимных встреч. Настойчиво, требовательно, сама выбирая, как именно они будут себя вести.

– Мы опоздаем на завтрак, – прошептал он.

– Неужели это так важно? – спросила она.

Примерно через полчаса она снова ушла, а он отправился в ванную принимать душ в третий раз за эту длинную ночь. К завтраку они немного опоздали. Все уже собрались, обсуждая последние новости. Утром террористы взорвали две машины в городе, передали о сорока с лишним погибших. Террористы начали применять подлую тактику, придуманную еще в Афганистане и затем апробированную в Чечне. Сначала раздавался первый взрыв, который мог быть и не столь поражающим. Когда к месту случившегося подтягивались зеваки, в основном дети и случайные прохожие, рядом раздавался второй взрыв, более страшный и разрушительный.

Именно к подобной практике начали прибегать в Багдаде. Причем взрывы раздавались по очереди: сначала два взрыва в шиитском квартале столицы, где убивали шиитов, затем два взрыва в суннитском квартале столицы, где убивали суннитов. Было несколько улиц, где жили курды. Террористы устраивали свои взрывы и в этих местах, чтобы разделить общее горе на всех поровну. Было очевидно, что террористы действуют по какому-то дьявольскому плану, пытаясь вызвать общую дестабилизацию и деморализовать весь город. При этом страдали мирные граждане, старики, женщины, дети. Особенно дети, которые оказывались первыми у развороченных автобусов и машин, погибая в результате изуверженных вторых взрывов.

В половине десятого приехал сотрудник посольства Михаил Гладков. Он сообщил, что вертолеты уже готовы. У дверей ждала машина для Головацкого, который должен был успеть забрать новые экземпляры геологических карт, присланных из Москвы. Он уехал в аэропорт еще до того, как туда выехала вся группа. Гладков отозвал Алену в сторону.

– Мы летим все вместе, – коротко сообщил он.

– Я знаю, – кивнула она, – нам сказали об этом еще вчера.

– Вы не знаете самого главного, – хмуро пробормотал Гладков, – во-первых, в Москве сумели договориться с израильтянами. Операция будет продолжена.

– Я так и думала, – пожалала плечами Алена, – это было ясно с самого начала. Мы не допустили бы развития операции, если бы это противоречило нашим интересам. Они знали об этом. И мы знали об этом. И они знали, что мы знаем.

– Вторая новость не столь приятная, – пробормотал Гладков. – Я получил шифровку. Судя по всему, кроме нас, в группе будет еще агент-«крот». Завербованный агент израильской разведки.

– Неужели вы еще ничего не поняли? – улыбнулась Алена. – Это наш уважаемый глава делегации Фархад Алиевич Сеидов. Его завербовали для «одноразового использования». Мы об этом всегда знали.

– Не он, – возразил Гладков, – в шифровке особо указано, что это не он. Кто-то другой. В составе нашей делегации есть еще один «крот», наблюдающий за Сеидовым. Еще кто-то, кроме нас. Он позвонил вчера из Багдада, доложив о нашем прибытии. Это был не Сеидов.

– Их только четверо, – мрачно вспомнила Сизых, – одна женщина и трое мужчин. Кто из них?

– Они не знают. Но просят нас быть осторожнее. Один из четырех – возможный «крот», который будет контролировать нашу работу и постарается вывести нашего вице-президента на сына его бывшего друга. Нам приказано усилить наблюдение и не отпускать Сеидова одного.

– Куда уж больше, – пробормотала Алена, – мы и так достаточно тесно «слились» воедино.

– Что вы сказали? – не понял Гладков.

– Ничего. Будем за ним наблюдать и никуда его не отпускать, – согласилась Алена. – Интересно, кто из наших этот возможный «крот»? Мне казалось, что я их уже всех хорошо знаю.

Глава 2

Двое мужчин среднего возраста встретились в этом московском кафе. Они были знакомы достаточно давно. Представитель израильского посольства, координатор работы спецслужб Иосиф Шейнер и сотрудник Службы внешней разведки полковник Владимир Астахов. Обоим было примерно по сорок – сорок пять лет. Оба владели несколькими языками, у обоих был большой стаж работы в спецслужбах своих государств. И самое важное, что оба хорошо знали друг друга.

Со стороны могло показаться, что двое мужчин просто сидят за столиком и пьют кофе, обсуждая последний футбольный матч или деловые новости. Правда, никто не смог бы при желании прослушать их разговор. Оба одновременно включили небольшие скэллеры, находившиеся в их карманах, что автоматически исключало любое прослушивание их разговора, даже с помощью направленного луча. Можно было лишь подойти ближе, чтобы их услышать. Но они сидели в стороне, а в этот прохладный летний день, в три часа, в кафе почти не было посетителей. И, кроме официантки, к ним никто не подходил. Да и то они одновременно замолкали, когда она приближалась к их столу.

– Мы хотели бы обратить внимание вашей страны на недопустимое поведение представителей вашей военной разведки, – говорил Астахов. – Мы понимаем, что действия ваших сотрудников не были направлены против нашей страны. Но это ничего не меняет. Вы фактически завербовали и пытались использовать вице-президента нашей крупнейшей нефтяной компании.

– Дорогой Владимир, – добродушно заметил Шейнер, – я понимаю ваши чувства и вполне разделяю их. Но давайте будем откровенны. Ваш вице-президент стал таковым только неделю назад, а мы разрабатывали операцию уже почти шесть месяцев. И вы прекрасно знаете, что мы не могли использовать другого человека по определению. Он единственный, кто был нам нужен. Вице-президент компании «Южнефтегазпром» Фархад Сеидов, специалист, который двадцать два года назад работал в Ираке и спас высокопоставленного чиновника саддамовского режима Фаруха аль-Рашиди. Только он, и никто другой, мог помочь нам в нашей операции.

– Шесть месяцев представители вашей военной разведки работали на территории нашей страны, – подчеркнул Астахов. – Вы понимаете, как трудно теперь будет убедить нашу Государственную думу ратифицировать договор о безвизовом посещении наших стран.

– Им не обязательно сообщать о характере наших отношений, – ласково произнес Шейнер, – тем более что мы всегда можем договориться. Вы ведь с самого начала знали, кем именно мы интересуемся. Более того, по нашим сведениям, вы намеренно внедрили в окружение господина Сеидова своего агента, чтобы иметь возможность более пристального наблюдения за этим человеком.

– Не нужно сваливать с больной головы на здоровую, – попросил Астахов, – ваша резидентура в Москве нашла Сеидова, завербовала его и решила использовать против аль-Рашиди. Все правильно? И вы считаете, что мы должны были сделать вид, что ничего не происходит?

– Если ваша разведка завербует нашего гражданина для того, чтобы выйти на организатора террористических актов в Чечне или в Дагестане, мы не будем возражать, – заметил Шейнер. – Борьба с международным терроризмом – наше общее дело.

– Но не вербовка наших граждан.

– Он был единственный кандидат на эту роль. Человек, которого лично знает аль-Рашиди. У нас просто не было времени согласовывать с вами все наши действия.

– И поэтому ваши агенты выдали себя за представителей российских спецслужб?

– Верно, – улыбнулся Шейнер, – нужно было использовать психологический фактор. Он ведь азербайджанец, переехавший сюда в девяностом. И получивший позднее российское

гражданство. Подсознательно он понимает, что его новая родина уже не прежний Советский Союз. И, конечно, он не откажется помочь российским спецслужбам. Кроме того, он человек, спасший отца аль-Рашиди, и, наконец, он представитель рода «сеидов», потомков пророка, которые пользуются особым уважением в мусульманских странах. Все это сказалось на нашем выборе. Мы полагали, что вы не будете возражать против «одноразового использования» господина Сеидова в Ираке. Он должен был только вывести нас на Юсуфа аль-Рашиди. Больше от него ничего не требовалось. Как только мы узнали бы о местонахождении аль-Рашиди, то сразу бы его ликвидировали.

– Передали бы американцам точные сведения и уничтожили бы это место ракетой. Заодно с нашим гражданином, – кивнул Астахов. – Только не говорите, что вы бы подождали, пока он уедет.

– Мы бы постарались сделать так, чтобы не причинить вреда вашему гражданину, – деликатно заявил Шейнер, – и больше мы бы никогда не использовали господина Сеидова в своих целях. Тем более что он уже был под вашим пристальным контролем.

– Вы незаконно установили прослушивающую аппаратуру у него дома, завербовали его, выдавая себя за сотрудников российской разведки. Трое ваших сотрудников задержаны, хотя одного мы отпустили. У него был дипломатический иммунитет.

– Мы бы просили отпустить и остальных, – мягко предложил Шейнер, – они не нарушали российских законов. Прослушивающую аппаратуру устанавливали совсем другие специалисты, которых сейчас нет в Москве. Наши сотрудники всего лишь выдавали себя за сотрудников вашего ведомства. Это не такой большой грех. И вербовали вашего Сеидова не в качестве израильского агента, а в качестве помощника российских спецслужб.

– Это вас не оправдывает.

– Дорогой Владимир. Вы опытный человек и знаете, как работают разведчики во всем мире. Мы не причинили никакого ущерба вашей стране. А вы с самого начала знали, чем именно мы занимаемся, и не мешали нам. Из этого мы сделали вывод, что возможная ликвидация аль-Рашиди отвечает и вашим интересам.

– Мы наблюдали за вами, пытаясь понять ваш интерес к Фархаду Сеидову, – подтвердил Астахов, – но вы бы поступали точно так же.

– Конечно. И мы знали, что вы за нами следите. И мы знали, что вы знаете о том, что мы знаем. Вот такой замкнутый круг. Мы особенно не скрывались. Открыто разговаривали с господином Сеидовым по телефону, открыто с ним встречались, не уходили от вашего наблюдения. И все наши разговоры вы имели возможность прослушивать.

– Вы понимали, что иначе мы просто остановим вашу операцию.

– Безусловно. А вы понимали, что мы свернем операцию, если вы нам начнете мешать. Обе стороны соблюдали «баланс интересов», если можно так выразиться. Поэтому мы просим освободить наших сотрудников, которые не причинили никакого ущерба вашей стране.

– В обмен на иорданского агента Шаддада Асмаи, которого вы арестовали на прошлой неделе, – сказал Астахов.

Шейнера, похоже, не удивила просьба его визави. Впрочем, опытных разведчиков трудно удивить. Уже идя на эту встречу, он примерно представлял цену, которую придется заплатить за освобождение двух сотрудников израильской военной разведки. В этом мире все имеет свою цену, а разведчики – те же бизнесмены, которые торгуются, чтобы получить «приличную скидку» и вернуться с этого базара с нужным «товаром».

– Шаддад Асмаи был захвачен на территории нашего государства как вражеский агент, – напомнил он, – мы его задержали и собираемся судить. Он собирал сведения о нашей противоракетной обороне.

– Не нужно, Иосиф, так говорить, – попросил Астахов, – он собирал совсем другие сведения. О вашей ядерной программе, которую вы успешно скрываете ото всех, в том числе и от

ваших союзников американцев. Давайте будет откровенны. Шаддад Асмаи работал не только на иорданцев, и вы об этом тоже прекрасно знаете.

– В этих условиях израильский кнессет может не ратифицировать наш совместный договор о безвизовом режиме, – напомнил, лукаво улыбаясь, Шейнер.

– Мы полагали, что вы не будете сообщать в свой кнессет о провале иорданского агента, – сказал Астахов, – и учтите, что мы меняем двух сотрудников вашей военной разведки на одного иорданца...

– Который является двойным агентом и одновременно работает на иорданцев и на вас, – закончил за него Шейнер.

– Этого еще никто не доказал, – парировал Астахов.

– А вам нужны доказательства?

– Нет, – быстро ответил Астахов, – мы вполне доверяем вашему опыту.

– Что будет с господином Сеидовым?

– Он полетел в Басру на встречу с губернатором Хальдуном Нувайри. Вместе с делегацией.

– Вы знаете, кто такой губернатор Хальдун Нувайри?

– Да. Он личный враг аль-Рашиди. Именно с подачи Нувайри, который был заместителем градоначальника Багдада, были определены координаты дома аль-Рашиди. Американцы выпустили две ракеты, когда самого Юсуфа аль-Рашиди там не было. Погибли его мать, сестры, племянники. Он поклялся отомстить. Градоначальник уже погиб. На очереди губернатор Нувайри...

– Брата которого он уже убил, – напомнил Шейнер. – Это Восток, господин Астахов, там не прощают кровной вражды. А если «кровник» еще и политический противник, то ему мстят с особой жестокостью. Губернатор Нувайри может узнать, кто такой ваш Сеидов, и тогда его не спасет даже принадлежность к семье потомков пророка.

– Что вы предлагаете?

– Продолжить операцию. Как только Сеидов выведет нас на аль-Рашиди, мы будем считать нашу миссию завершенной.

– И вы сразу нанесете ракетный удар.

– У нас нет там своих ракет и самолетов, – напомнил Шейнер, это сделают американцы. Или англичане. А может, поляки или канадцы. Может, украинцы или грузины. Там много разных частей...

– Это сделают американцы, – жестко заметил Астахов, – и с вашей наводкой.

– Возможно...

– Значит, вы заранее допускаете возможность гибели нашей делегации. И вице-президента нашей компании?

– Мы считаем, что устранение аль-Рашиди гораздо более важная задача, чем судьба одного из ваших чиновников. Пусть даже и вице-президента такой компании, как «Южнефтегазпром», – цинично и откровенно заявил Шейнер.

– Боюсь, что мое руководство не пойдет на подобную сделку, – пробормотал Астахов.

– У нас есть конкретные доказательства того, что аль-Рашиди финансировал и ваши террористические группы. В Дагестане и в Ингушетии, – сообщил Шейнер, – доказательства вам будут предъявлены. Это, кажется, ваш бывший президент сказал, что «террористов нужно мочить даже в сортире». Знаете, какой у него тогда был рейтинг в Израиле? Вы даже не можете себе представить. Эту фразу потом часто повторяли. А теперь вспомните, что ваше государство официально разрешило вашим спецслужбам устранять террористов на чужой территории, если они виновны в убийстве ваших граждан. Мы можем предоставить неопровержимые доказательства, что, как минимум, два террористических акта в Дагестане были проведены не без помощи аль-Рашиди.

– Где документы?

– Мы придем их завтра утром, – предложил Шейнер, – и вы убедитесь, что аль-Рашиди совсем не тот человек, с которым вы могли бы вести переговоры.

– Надеюсь, вы говорите это в будущем времени.

– И в прошедшем. Он очень опасный террорист.

– Мы не имеем никаких контактов с «Аль-Каидой», – быстро заявил Астахов, – наша позиция...

– Не нужно, – попросил Шейнер, – мы друг друга давно знаем. И понимаем, что разведчикам нужно уметь договариваться друг с другом и со своим противником, что мы часто и делаем. Это американцы придумали и раздули невероятный миф о всемогущей и всемогущей «Аль-Каиде». Иначе как объяснить свои глупые провалы и ошибки. Почему-то всемогущая организация, которая так легко устроила террористические акты в Соединенных Штатах, ничего не может сделать в Израиле. И даже в Великобритании, где ее позиции были достаточно сильны, они всего лишь устроили взрыв в метро, убив пять десятков несчастных людей. Это сделали местные почитатели нашего «друга» Усамы.

Вы же прекрасно знаете, что взрывы на вокзале Аточа в Мадриде были организованы усилиями местных террористов, не имеющих к большой организации прямого отношения. Американцам повсюду мерещится грандиозный заговор против них, который направляет единый штаб «Аль-Каиды». Сидят несколько бородатых мужчин, завернутых в свои одежды, где-то глубоко под землей и планируют все террористические акты по всему миру. На самом деле это, конечно, не так. Только у нас в секторе Газа есть пять или шесть палестинских группировок, каждая из которых действует достаточно автономно. Иначе нам было бы легко вычислить их «генеральный штаб» и накрыть всех разом. Но это невозможно. Уже не говоря о том, что «Хамас» захватил власть в секторе Газа, оттеснив ФАТХ и законно избранного президента Палестины Махмуда Аббаса. Мы часто идем на переговоры даже с «Хамасом», как и вы пытаетесь выйти на аль-Рашиди. Только на этот раз вы ошибаетесь. Он ненавидит всех – весь цивилизованный мир, который представляется ему одним убежищем сатаны. От Москвы до Вашингтона, от Тель-Авива до Монреаля.

– Я не могу подтвердить ваши слова о поисках наших контактов с аль-Рашиди и его группой, – быстро заявил Астахов.

– Нам не нужны подтверждения, – заметил Шейнер, – нам нужна голова Юсуфа аль-Рашиди, человека, который продумывает и осуществляет самые страшные террористические операции в нашем мире. Гениального химика, закончившего с отличием Оксфорд, человека, получившего превосходное западное образование и имеющего под своим командованием несколько тысяч хорошо обученных боевиков по всему миру. Поэтому мы хотим продолжить развитие нашей операции по его поиску.

– Условия? – спросил Астахов.

– Мы возвращаем вам Шаддада Асмаи и проводим совместную операцию по уничтожению Юсуфа аль-Рашиди. Обратите внимание на мои слова. По «его уничтожению», а не по его поиску. Кнессет и Государственная дума ратифицируют соглашение о безвизовом обмене гражданами в Россию и в Израиль. А вы отпускаете двух наших сотрудников.

– Безвизовое соглашение больше нужно Израилю, чем нам, – усмехнулся Астахов, – туристы тянутся в основном к вам, а не к нам.

– Хорошая треть нашей страны имеет родственников в вашей, – напомнил Шейнер, – если это не туризм, то большие деньги, которые привезут сюда родственники из Израиля. И еще. Мы предоставим вам все документы по аль-Рашиди и через нашу агентуру выйдем на связи вашего подполья с арабскими благотворительными организациями. Вы получите список банков арабских стран, которые финансируют ваших боевиков. По-моему, лучшего подарка вам никто не предлагал.

– Вы же понимаете, что эти боевики так же ненавидят Израиль, как и нас всех, – пробормотал Астахов.

– Безусловно, – согласился Шейнер, – и мы делаем общее дело в борьбе с террористами. А мы и не скрываем, что готовы драться на вашей стороне. Это вы часто занимаете несколько иную позицию, пытаетесь наладить собственные отношения с Ираном или «Хамасом».

– Мы единственные, кто пытается с ними разговаривать, – напомнил Астахов, – ни вы, ни американцы уже никогда не сможете завоевать их доверие. И выйти с ними хотя бы на приемлемый уровень контактов. Вы должны это сознавать.

– Мы это понимаем, хотя и не всегда принимаем, – дипломатично ответил Шейнер, – надеюсь, что уже сегодня наши люди будут освобождены. Документы получите завтра утром.

– Я должен вам сказать, что мы не принимаем вашу политику государственного террора, – вставил Астахов, – когда вы официально разрешаете своим агентам устранять ваших политических оппонентов. Вы знаете, как к подобным акциям относится мировое общественное мнение?

– Конечно, знаем. По нашим сведениям, именно агенты вашей службы взорвали автомобиль, где находился бывший президент Чечни Зелимхан Яндарбиев со своим сыном. Оба погибли. Мы понимаем, что Яндарбиев был вашим политическим противником, но там находился и его сын. Кажется, взрыв устроили в Катаре, или я что-то путаю?

– Двоих сотрудников нашего посольства незаконно обвинили в этом покушении, – мрачно парировал Астахов. – Если я начну вспоминать, как вы устраняете своих политических противников в других странах, то наша встреча продлится до завтрашнего вечера.

– Сотрудники посольства были вашими агентами, – возразил Шейнер, – а потом эмир Катара разрешил перевезти их в Россию, чтобы они отбывали там свой тюремный срок. Хотите поспорить, что они сейчас не в тюрьме?

– Не хочу, – ответил Астахов, – можно подумать, что ваши агенты не похищали граждан других стран и не выполняли приказов о ликвидации политических противников на чужих территориях.

– Но мы этого никогда и не отрицаем. А вы не хотите признаваться, забывая о словах вашего лидера «мочить в сортире».

– Это всего лишь образная фраза. И, возможно, он просто не совсем удачно выразился.

– Он очень удачно выразился, – возразил Шейнер, – в сегодняшнем мире нельзя быть спокойным нигде. Ни в самолете, который летит над океаном, ни в своем лондонском или вашингтонском доме, ни в автобусе, который едет по Иерусалиму, ни в московском метро, ни на мадридском вокзале. А раз так, а сегодня все обстоит именно так, то и террористы не должны нигде чувствовать себя в безопасности. Ни в одной стране мира, ни в одном, даже самом надежном убежище. Ни в одном «сортире», дорогой Владимир. Мы их будем находить и убивать. Безжалостно и безо всякого сожаления. Или у вас есть другое мнение?

– Возможно, вы правы, – ответил Астахов, – лично я согласен с позицией нашего бывшего президента. Но боюсь, что с правовой точки зрения мы несколько увлеклись. Наше условие – безопасность нашей делегации. Можете наносить свои ракетные удары только тогда, когда их не будет рядом с аль-Рашиди.

– Вы должны понимать, что это сразу снижает эффективность наших действий ровно наполовину. Он тоже не дурак, может сразу покинуть это место.

– У меня нет полномочий вести с вами переговоры о возможной гибели нашей делегации. Вы должны меня понять.

– Я передам ваши условия своему руководству, – кивнул Шейнер, – до сих пор мы всегда выполняли условия наших соглашений. Пусть даже и не скрепленных официальными договорами.

– Именно поэтому мы и настаиваем на безопасности делегации, – напомнил Астахов, – надеюсь, что завтра мы получим все документы.

– Обязательно. Мы уже давно готовы были передать вам эти списки, тем более что там есть и достаточно близкие вам финансовые структуры. Сами посмотрите. А операцию с аль-Рашиди будем продолжать... Я полагаю, что по этому пункту мы договорились.

– Мы постараемся взять под свой контроль дальнейшее развитие ситуации с группой Фархада Сеидова, – сказал Астахов.

– Вы уже взяли ситуацию под свой полный контроль. Тем более что, по нашим сведениям, вы сумели внедрить в группу Сеидова своего агента.

– Вы тоже, – улыбнулся Астахов, – по нашим сведениям, в его группе есть и ваш агент. Надеюсь, вы не станете рисковать также жизнью своего агента.

Оба улыбнулись друг другу. В разговорах разведчиков любое категорическое утверждение считалось дурным тоном.

Глава 3

В одиннадцать часов утра они погрузились в небольшой самолет, чтобы вылететь на юг. По предварительной договоренности они должны были лететь в вертолете, но в последний момент было решено заменить армейский вертолет на самолет. Аэропорт в Багдаде хорошо охранялся, и здесь можно было гарантировать безопасность делегации. А вертолет не смог бы набрать нужную высоту, чтобы уйти от возможных выстрелов террористов.

В Басру они прилетели в половине первого и сделали два круга над аэропортом, после чего самолет наконец пошел на посадку. В аэропорту их встречал вице-губернатор провинции Абид ибн Тагриберди, высокий, грузный мужчина лет шестидесяти. Он крепко пожал руки всем прилетевшим и пригласил Сеидова в свой бронированный автомобиль. Остальные расселись в два других внедорожника. Колонну сопровождали два бронетранспортера с английскими военнослужащими. Машины двинулись в сторону Басры.

– Слава Аллаху, вы долетели благополучно, – сказал вице-губернатор. – Мне говорили, что вы знаете арабский язык.

– Не так хорошо, как хотелось бы, – ответил Фархад, – но я действительно знаю ваш изумительный язык, на котором написан Коран.

– Да, – восторженно подтвердил ибн Тагриберди, – мы всегда гордимся тем, что являемся проводниками идей самого Пророка. Сегодня днем вас примет губернатор провинции, достопочтимый Хальдун Нувайри.

– Надеюсь, что наши переговоры будут успешными, – вежливо кивнул Сеидов.

– Мы очень хотим, чтобы русские специалисты снова вернулись в нашу страну, – подтвердил вице-губернатор. – Но мне говорили, что вы мусульманин? Это правда?

– Да, я азербайджанец.

– Хвала Аллаху! – радостно воскликнул ибн Тагриберди. – И еще нам сообщили, что вы являетесь потомком великого рода «сеидов», потомков нашего Пророка, да будет благословенно имя его.

– Да, – кивнул Фархад, – моя фамилия Сеидов, и наш род происходит из села Сеидли в Карабахе.

– Тогда мы рады видеть у себя такого человека, – кивнул вице-губернатор.

– Но для переговоров прибыли и другие делегации? – спросил Фархад.

– Такovy условия тендера, – сделал несчастное лицо ибн Тагриберди, – но мы уверены, что именно ваша компания будет победителем этого тендера. Губернатор сказал, что готов пойти вам навстречу. Сюда прилетит завтра утром и наш вице-премьер. Они прилетят с комиссией из Багдада.

– Мы уже встречались с господином вице-премьером, – сообщил Сеидов. – А кто, кроме нас, будет участвовать в этом тендере? Я слышал, что американские компании отказались от участия в разработках южных участков как самых опасных в вашей провинции.

– Нет, – удивился вице-губернатор, – у вас неверные сведения. В разработках с самого начала готов был участвовать «Эксон мобил». Они никогда не отказывались от своих планов. Но, кроме них, заявки на участие в тендере подали еще две другие компании. Ваша компания и «Бритиш петролеум», чьи солдаты нас сейчас охраняют.

– Получается, что российская компания будет участвовать в этом тендере вместе с американцами и англичанами, – понял Сеидов, – но нам говорили, что все американские компании отказались от разработки этого шельфа.

– Они давали такие интервью, – закивал ибн Тагриберди, – но формально их заявка еще у нас. Она будет рассматриваться вместе с вашей. Мы думали рассказать вам об этом во время

переговоров, но наш губернатор очень добрый и честный человек. Он попросил меня рассказать вам об этом заранее, чтобы такое сообщение не было для вас сильным ударом.

– Сильным ударом? – пробормотал по-русски Фархад. – Это просто катастрофа.

– Что вы сказали? – вежливо осведомился вице-губернатор.

– Нам говорили, что мы проведем переговоры и гарантированно получим право на разработку этих участков. Насколько я понял, американцы и англичане отказывались раньше от разработки этих участков из-за их непосредственной близости к иранской границе и трудностей с охраной персонала.

– Но мы можем гарантировать их безопасность, – очень вежливо сказал ибн Тагриберди. – Когда людям будут платить большие деньги, они готовы будут охранять иностранцев и даже отдавать за них свои жизни.

– Пока я не видел особой готовности ваших людей отдавать жизни за американцев или англичан, – пробормотал Сеидов.

– Это разные вещи. Их военные пришли сюда убивать и должны быть готовы умирать. Они пришли воевать, а на войне не бывает без жертв. Но специалисты хотят добывать нефть и платить за нее большие деньги. Очень большие деньги. Поэтому мы готовы их охранять. Тоже за большие деньги.

– А если их захватят иранцы? Вы сумеете защитить их от иранцев? – нервно спросил Фархад.

– Мы десять лет с ними воевали, – напомнил ибн Тагриберди, – и смогли выстоять с помощью Аллаха. Значит, сумеем выстоять и теперь.

«Эксон» и «Бритиш петролеум», – подумал Сеидов, – это такие конкуренты, которым можно гарантированно проиграть. При любом, даже самом честном тендере. А здесь честного не будет наверняка».

– Кто главный специалист в оценке тендера? – уточнил он. – Я имею в виду не вашего вице-премьера, а технического специалиста?

– Мистер Сайрус Бантинг, – любезно сообщил вице-губернатор, – специалист из Техаса. Он очень объективный и компетентный профессионал, так о нем все говорят. Он даже преподавал в Великобритании.

– Подождите, – невежливо перебил своего собеседника Сеидов, – вы хотите сказать, что в тендере примут участие три компании, одна из которых английская, а другая американская. А главным специалистом, который будет оценивать наши предложения, будет американский специалист, который к тому же еще и работал в Великобритании? И вы считаете, что он может проявить объективность?

– Обязательно проявит, – счастливо улыбнулся ибн Тагриберди, – ведь он понимает, что предпочтение нужно отдавать лучшему.

– Тогда конечно, – уныло согласился Фархад.

«Какие сволочи, – зло подумал он, – ничего не говорили до самого последнего момента. Завтра будут поданы заявки, а в понедельник утром они должны объявить победителя. Если учесть, что главный судья американец, то шансы американцев оцениваются как девяносто девять, оставшийся процент у англичан. А у нашей компании шансы ровно ноль и ноль десятых процента. Черт бы побрал этих американцев, они всегда так делают. Стараются не показывать своего интереса, а в последний момент возникают из небытия и выигрывают любой тендер, любую заявку. И все потому, что за ними стоят Его Величество Доллар, самая сильная экономика в мире и американская армия, тоже самая сильная в мире. На этом земном шаре очень мало стран, способных противостоять такому давлению. Если бы конкурентами были другие компании, у них, возможно, еще могли быть какие-то шансы. С китайцами, французами, норвежцами, мексиканцами мы могли бы еще попытаться побороться. Но пытаться выиграть у „Эксон мобил“, когда главный судья американец, а председатель комиссии вице-премьер, кото-

рого все считают их ставленником, практически нереально. Может, вообще лучше повернуть сразу обратно, в сторону аэропорта, чтобы не позориться и не участвовать в этом балагане. Ничего, – прикусил губу Сеидов, – у нас есть еще один тайный козырь. Юсуф аль-Рашиди. Все знают, что его боевики дислоцируются именно в этом районе. Посмотрим, как они отреагируют на мое появление. Возможно, они еще не знают, что именно я спас отца молодого аль-Рашиди. Но губернатор, кажется, его кровный враг, и поэтому этот фактор может оказаться очень опасным и для самой делегации. Нужно подождать. И если ничего не получится, то в последний момент можно будет предъявить и этот козырь».

– Когда нас примет губернатор? – уточнил Фархад.

– Сегодня в два часа дня, – ответил вице-губернатор, – он примет всю вашу делегацию, после чего вы сможете полететь на юг. А завтра в полдень мы будем принимать ваши заявки на участие в тендере.

– Другие компании уже подали заявки?

– Нет. Но у них есть время до завтра.

– Может, они еще передумают? – пошутил Сеидов.

Абид ибн Тагриберди оценил его шутку и беззвучно рассмеялся.

– Говорят, что там очень большие запасы, которые в свое время оценивали ваши специалисты, – ответил он, – они работали в нашей стране в восьмидесятые годы.

– Да, – кивнул Фархад, – я тоже об этом слышал.

Они прибыли в город довольно быстро, аэропорт был совсем недалеко от центра. Их разместили в охраняемой гостинице, где обычно останавливались иностранцы. Вокруг отеля стояли посты экспедиционного корпуса, и два танка, находившиеся у входа, служили дополнительной гарантией их безопасности. Сеидов собрал свою группу в номере на импровизированное совещание.

– Положение гораздо хуже, чем мы себе представляли, – строго начал он свое выступление, – у нас будут не просто переговоры по тендеру, в котором якобы, кроме нас, никто не участвует. Это был обычный блеф американцев. Кроме нас, в тендере принимают участие «Эксон мобил» и «Бритиш петролеум».

– Не может быть, – вмешалась Манана Гацерелия, – мы несколько раз запрашивали их о возможных участниках тендера, о наших вероятных соперниках. И каждый раз получали ответ, что американские компании отказались от разработок в таком опасном и сложном месте.

– Только на словах. Их официальная заявка еще находится в комиссии. Завтра сюда прилетит вице-премьер со своей комиссией. И самый главный специалист, который будет оценивать наши заявки, профессор Сайрус Бантинг из Техаса.

– Но это нечестно, – сразу возмутился Головацкий.

– Нам говорили, что Бантинг будет консультантом вице-преьера, – напомнила Гацерелия.

– Он будет главным специалистом, – горько сказал Фархад, – и, как вы понимаете, наши шансы почти минимальны. Хотя и близки к нулю, но это еще не полный ноль.

Он видел, как переглядываются Михаил Гладков и Алена Сизых. Очевидно, сообщение о появившихся конкурентах неприятно поразило и этих «служителей плаща и кинжала». «Лучше бы они занимались сбором полезной информации, вместо того чтобы следовать за мной», – неожиданно зло подумал Сеидов.

– Что нам делать? – спросил Гладков. – У вас есть какой-нибудь план?

– Сегодня днем мы встречаемся с губернатором, – напомнил Сеидов, – после чего сразу вылетаем на юг. Времени у нас будет очень мало, практически до вечера. Поэтому каждый должен работать за троих. Резников должен суметь оценить состояние работающей там техники. Хотя бы приблизительно. Головацкому – сверить наши карты с местными геологами. Уважаемая госпожа Гацерелия может остаться. Вам нужно будет оформить нашу окончатель-

ную заявку на завтра. Господину Кажгалиеву надо суметь разорваться пополам, чтобы помочь одновременно и Резникову, и Головацкому. Все понятно?

– Не нужно разрываться, – вставил Гладков, – я тоже знаю арабский язык. С Резниковым поедет Кажгалиев, а я буду с господином Головацким. Помогу ему договориться с местными геологами.

– Спасибо, – кивнул Сеидов.

Он намеренно ничего не сказал о своей помощнице. Когда все разошлись, Алена осталась сидеть на стуле.

– Я уже совсем не нужна? – уточнила она.

– Зачем тебе рисковать, – устало спросил Фархад, – ты же видишь, что здесь творится? Женщинам там не место. Тебе лучше остаться здесь и помочь Манане с документами.

– Я могу поехать с тобой и помочь тебе.

– Каким образом? Арабского ты не понимаешь, а по-английски там лучше не говорить, чтобы их не раздражать. Если ты боишься, что я останусь без присмотра, то с нами полетит твой коллега Гладков.

– Не говори глупостей, я боюсь за тебя.

– Тогда оставайся и постарайся хоть что-то узнать. Почему раньше они говорили, что не собираются принимать участие в разработках этого шельфа, а сейчас резко поменяли свое мнение? Что произошло? И почему тогда нас пустили сюда для участия в тендере, если заранее ясно, что мы гарантированно проиграем? Ты можешь мне что-нибудь объяснить?

– Если бы я знала, то была бы аналитиком на Уолл-стрит, а не обычным сотрудником нашего ведомства, – уклонилась от ответа Алена.

– Поэтому я и прошу тебя остаться. Скоро мы поедem на переговоры с губернатором. Говорят, что это особо колоритная фигура. Он кровный враг моего знакомого – Юсуфа аль-Рашиди. Возможно, он уже знает обо мне больше, чем мы о нем. И поэтому сразу решил нам показать, что у нас нет никаких шансов. А возможно, так решили американцы, чтобы мы не пытались даже им противостоять. Может, в последний момент они передумали. Ведь стоимость нефти растет такими темпами, что скоро даже добыча на Луне станет прибыльным предприятием.

– Я понимаю твое состояние, – тихо произнесла Алена.

– Боюсь, что нет. Выходит, что мы напрасно сюда летели, готовились к этим переговорам, провели такую работу, чтобы сюда приехать. И все напрасно. Нет, я им не позволю с нами так обращаться. Достаточно и того, что меня уже один раз использовали как специалиста «одноразового действия».

Она прижала палец к губам. Здесь их могли прослушивать. Он отмахнулся.

– Пусть слушают. Мне их нечего бояться. Я профессиональный геолог и в их грязные игры не играю. И если губернатор даже тысячу раз будет против, а мистер Бантинг отдаст предпочтение американцам, то я и тогда не сдамся. Постараюсь объяснить этим типам, что мое появление в этом районе гарантированно остановит террористические акты против разработок нашей компании.

– Это может быть очень опасно, – тревожно произнесла Алена, – губернатор не захочет отдавать победу «кровному брату» своего кровного врага. Ты не сможешь отсюда уехать. Твоя жизнь будет под большой угрозой.

– Тогда ты меня защитишь, – невесело пошутил он.

– Боюсь, что у меня не хватит сил. Это очень опасная игра, и я тебе не советую разглашать эту информацию. Ты не сможешь контролировать все процессы, которые начнутся сразу после того, как все узнают, что именно ты спас жизнь отцу Юсуфа аль-Рашиди. Об этом напишут все газеты. Ты станешь героем и главной мишенью.

– Зато тендер не отдадут так просто американцам, – упрямо ответил Сеидов.

– Я не знаю, что именно должна тебе сказать, – ответила Алена, – но обещаю, что ты посоветуешься со мной, прежде чем предпримешь какой-нибудь конкретный шаг.

– Обещаю, – усмехнулся он.

Она поднялась, подошла к нему, быстро поцеловала его в щеку и вышла из комнаты. В коридоре ее ждал Гладков. Он подошел к ней.

– Я понял, что он не захочет брать вас с собой, и поэтому предложил свои услуги, – сказал Гладков.

– Вы правильно сделали, – кивнула Алена, – боюсь, что у нас большие проблемы. Он хочет обнародовать информацию о своем участии в спасении жизни отца аль-Рашиди.

– Его могут убить, – тревожно заметил Гладков, – я обязан доложить об этом в Москву.

– Доложите, – согласилась Алена, – я тоже считаю, что это очень опасно. Но, с другой стороны, это вызовет к нам гарантированный интерес сторонников самого аль-Рашиди и поможет выйти на него. Нужно подумать, как нам себя вести. Или посоветоваться.

– Один неверный шаг – и нас просто сотрут в порошок, – пробормотал Гладков, доставая носовой платок и вытирая сначала свою лысину, а затем и лицо.

Алена усмехнулась.

– Бойтесь? – жестко спросила она.

– Да, – признался Гладков, – я всю жизнь проработал под дипломатическим прикрытием. Унеси-принеси, возьми-забери, передай-отдай. Читай газеты, проверяй информацию. И все. Больше я ничего не должен был делать. И если бы меня даже задержали, то в лучшем случае мне грозила высылка из той страны, где я бы провалился. Я не готовился к нелегальной работе, как вы, Алена. Да и здесь все немного иначе. Здесь один неверный шаг, и меня разорвут в клочья, наплевав на мой дипломатический статус. Даже наш разговор в коридоре не совсем безопасен. Никто не гарантирует, что сейчас к нашей гостинице не двигается грузовик со взрывчаткой, за рулем которого сидит очередной полоумный смертник. И каждая секунда здесь может стать последней. А вы хотите, чтобы мы вообще вызвали огонь на себя. Я к этому не готов.

– Запросите свое руководство, как нам себя вести, – посоветовала Алена, – и тогда мы будем знать, что именно они хотят и как нам выстраивать нашу стратегию. А я запрошу свое руководство.

– Сколько вам лет? – выдохнул Гладков. – Тридцать или немного больше? А мне сорок два. И я на службе уже почти двадцать лет. И очень хочу уехать живым из этой страны, вернуться к своей жене, которая не выдержала здесь и двух месяцев, к своим мальчикам, которым еще по восемь лет. К своей маме, которая растила меня без отца и которая так гордилась моими успехами. Поэтому давайте без ложного пафоса и героизма. Я боюсь за нас всех, за наше общее дело, за нашу операцию. С одной стороны, мы должны успешно завершить нашу командировку и, по возможности, выиграть этот тендер, что почти невозможно. А с другой – постараться выйти на аль-Рашиди, что тоже почти невозможно.

– Поэтому вы сегодня сделаете свой запрос, и мы наконец узнаем, что для них важнее. Найти аль-Рашиди или обеспечить многомиллиардный контракт, – закончила Алена, – и не нужно так раскисать. Пока не произошло ничего страшного. Очевидно, все самое плохое у нас еще впереди.

– Ну да, вы меня успокоили, – пробормотал Гладков и, повернувшись, пошел по коридору.

Глава 4

Встреча с губернатором Хальдуном Нувайри началась ровно в два часа дня. Резиденция находилась на окраине города и охранялась американскими солдатами. Очевидно, губернатор был человеком достаточно благоразумным, чтобы не иметь в своей охране иракский воинский контингент, который мог его сдать, предать, продать или просто убить за хорошие деньги, что им могли заплатить политические соперники Нувайри или просто чиновники, мечтающие получить его место. Резиденция была достаточно роскошной и вместительной. В большом зале, где губернатор принял делегацию, было метров сто пятьдесят. За длинным столом можно было разместить человек тридцать или сорок.

Ждать пришлось недолго. В комнату, напоминавшую небольшой зал, вошли сразу восемь гвардейцев. И почти сразу следом за ними в зал буквально ворвался губернатор, за которым степенно вышагивал вице-губернатор. Губернатор Хальдун Нувайри оказался мужчиной среднего роста, достаточно плотным, с густыми бровями, решительным подбородком и почти квадратным лицом. Своими повадками он напоминал бывшего испанского каудильо, хотя тот был гораздо ниже ростом. В молодости губернатор хотел стать актером и, очевидно, сохранил в себе склонность к актерской игре на всю жизнь. Он энергично тряс руки всем членам делегации, изображал счастливого человека, потирал руки и даже сказал по-русски «Зидыраствуйте», что, видимо, было высшим проявлением его любезности. Он явно не ожидал, что руководитель делегации и еще несколько человек будут так хорошо говорить по-арабски. Это его обрадовало более всего. Прибывавшие в Басру руководители американских или английских компаний обычно не знали арабского языка. Они считали, что вполне достаточно знать только английский. Все расселись за длинным столом, а губернатор оказался во главе его.

– Мы рады приветствовать в нашем городе российскую делегацию, представляющую ваше великое государство и такую известную компанию, как... – он запнулся, повернул голову к вице-губернатору, сидевшему с правой стороны.

Тот поднялся и, чуть запинаясь, подсказал:

– «Южнефтегазпром».

– Да, именно компания «Южпром», – сократил название компании губернатор, махнув рукой своему заместителю и разрешая ему садиться, – мы рады, что вы нашли возможным прилететь сюда и принять участие в этом тендере.

– Мы не знали, что у вас объявлен тендер, – вежливо произнес Фархад, – поэтому нам кажется, что мы оказались не совсем на равных позициях с американцами и англичанами. Ведь мы готовились к переговорам, считая, что тендер – это обычная инсценировка для строителей, чтобы они могли заключить с нами договор и приступить к освоению денег. Но, прибыв в Басру, мы узнали, что вместе с нами в тендере и переговорах участвуют американская компания «Эксон мобил» и английская «Бритиш петролеум». Согласитесь, что это несколько меняет наши планы.

– Напрасно, – энергично возразил губернатор, – вы же знаете, какое это опасное место. Болотистые поля, непроходимые топи, луга, заболоченные реки. И ни одного шага в сторону, иначе вы попадаете к нашим вечным друзьям фарсам, а Иран не склонен вас выдавать. Конечно, если вы не американцы и не англичане. Но я понял, что среди вас нет ни англосаксов, ни евреев.

– Нет, – кивнул Сеидов, – но это не меняет характера наших отношений. Насколько нам удалось узнать, главным судьей в этом тендере будет американец Сайрус Бантинг, а это уже игра не по правилам.

– Он профессор университета, – пробормотал губернатор, – и мы вполне доверяем его мнению.

– А также мнению всех остальных членов делегации, – продолжил Фархад. – Я понимаю ваши опасения, господин губернатор. Но и вы должны понять нас. Прodelать такой путь, чтобы узнать об американской и английской заявках...

– Ничего еще не потеряно, – сказал губернатор, – мы надеемся, что вы предложите нам лучшие условия тендера.

– А господин Бантинг их честно оценит, – закончил Сеидов, – мы в этом не сомневаемся. Если вы разрешите, мы сегодня вылетаем в этот район.

– Конечно, – согласился Нувайри, – вертолет мы вам предоставим.

На этом переговоры были закончены. Делегация вышла гуськом. Все понимали, что переговоры закончились, еще не начавшись. Даже те, кто совсем не понимал арабский язык.

– Все по своим местам, – жестко приказал Сеидов, – мы вылетаем в район освоения. Госпоже Гацерелия и госпоже Сизых остаться в отеле и подготовить все документы. Мы вернемся поздно, возможно, очень поздно.

Он видел, что Алена хотела возразить, но он не дал ей ни одного шанса, повернувшись и усаживаясь в первый автомобиль. Через полчаса вместе с выбранными членами группы они поехали в аэропорт, чтобы вылететь на юг. Все пятеро мужчин переоделись в камуфляжную форму и получили жесткие инструкции, как именно себя вести. После чего отправились в аэропорт, где их ждал вертолет.

Вместе с ними полетел представитель губернатора Муслим Вюсал. Очевидно, среди его предков были выходцы из Африки, он был темнокожий, с курчавой головой, полными губами. Ему было около тридцати, и он делал стремительную карьеру, работая уже в канцелярии самого губернатора провинции.

Пока вертолет летел к выбранному месту, Муслим Вюсал показывал на участки, рассказывая о каждом из них. Фархад смотрел вниз. Он не мог вспомнить ничего из своего прошлого. Прошло столько лет, целая жизнь. И здесь все слишком сильно изменилось. Он подумал, что еще больше изменилась и его судьба, его жизнь. Двадцать два года назад он был представителем великой страны, которая казалась незыблемой и сотворенной на вечные времена. Молодой доктор наук мечтал на практике проверить свои теоретические изыскания. Ему тогда все казалось не слишком серьезным, даже война между Ираном и Ираком была каким-то внешним событием, не задевавшим его лично. Или его семью. Но все изменилось за эти годы. Великая страна распалась, он остался без работы, вынужденный подрабатывать в банке и читать лекции студентам за унизительные гроши. После военных действий в Карабахе противостояние началось и в обеих соседних республиках. Особенно больно оно ударило по интернациональным семьям, таким, как у него, где он, азербайджанец, был женат на армянке Карине Газарян.

В девяностом он получил перевод в Москву. Успел тогда оформить себе квартиру, даже продать собственное жилье в Баку, чтобы купить большую квартиру на Остоженке. Но затем был декабрь девяносто первого и распад страны. Потом были события осени девяносто третьего, когда в Москве танки устроили расстрел собственного парламента. Потом была война в Чечне, ненависть ко всем «черным», которая автоматически перекинулась на азербайджанцев, грузин, армян, осетин, лезгинов, на всех представителей многочисленных кавказских народов. Потом было унизительное существование в банке, августовский дефолт девяносто восьмого, когда казалось, что весь мир просто рухнул. И, наконец, слабая надежда на подъем экономики в начале двадцать первого века, первые успехи на работе и переход в компанию «Южнефтегазпром», где он стал сначала руководителем сектора, затем заместителем заведующего отедлом, начальником геологического отдела и, наконец, вице-президентом компании.

Вертолет летел достаточно низко, чтобы увидеть сожженное оборудование, места прежних боев, разрушенную террористами инфраструктуру, искусственные нефтяные озера, появившиеся в результате утечки нефти из труб. Он знал, что капля нефти убивает все живое

на пятьдесят лет. И понимал, какой именно вред причиняют эти разлившиеся нефтяные пятна экологии, флоре и фауне на юге Ирака.

В некоторых местах они обратили внимание и на работающее качалки, на сохранившееся оборудование. Вертолет сел прямо на поле, рядом с небольшим уцелевшим двухэтажным зданием, где находилось правление нефтедобывающей иракской компании. Муслим Вюсал предложил Сеидову пройти в здание. Они зашли в помещение, где их должны были ждать руководитель компании и его главный геолог. Руководитель был назначен сюда недавно, прежний погиб два месяца назад во время полета на вертолете, когда летательный аппарат был сбит с земли. Руководителем компании был назначен Зухайр Масуди. А главным геологом здесь работал уже восьмой год Исрафил аль-Азраки, который вообще был местный житель и работал на этих промыслах уже больше тридцати лет.

Вся делегация вошла в кабинет Масуди. Прилетевший вместе с ними Муслим Вюсал представил членов делегации. Затем представил обоих руководителей иракской компании. Неожиданно аль-Азраки закричал, поднимая обе руки.

– Это вы, наш господин! Не может быть! Прошло столько лет! – Он упал на колени, чтобы поцеловать руку прибывшему Фархаду Сеидову.

Члены делегации недоуменно смотрели на него. Зухайр Масуди обратился к своему заместителю:

– Что ты делаешь, Исрафил? Кто этот человек?

– Он святой, – убежденно сказал аль-Масуди, – этот человек работал в этих местах больше двадцати лет назад. Я тогда был совсем молодым человеком. А он представитель семьи самого Пророка, да будет Аллах всегда вместе с ним. Он из рода «сеидов».

– Приветствую вас на нашей земле, – взволнованно произнес Зухайр Масуди, прикладывая руки к сердцу, – мы всегда рады видеть у себя потомков великого рода.

– Неужели это правда? – усмехнулся Головацкий. – Я думал, что это обычные легенды.

– Ничего не говорите, – дернул его за рукав Гладков, – у мусульман особо почитаются все члены клана «сеидов». Это люди считаются потомками Пророка. Среди потомков почти все королевские фамилии на Востоке, много священнослужителей.

– Как хорошо, что нас прислали именно с таким человеком, – громко сказал Головацкий, – теперь буду говорить всем в Москве, что я лично знаком с потомком самого Пророка.

– Тише, – снова толкнул его Гладков, – нужно говорить в более уважительном тоне.

– Он настоящий святой, – продолжал рассказывать аль-Азраки, поднимаясь с колен. – Если бы вы знали, как он себя вел. Я помню, как во время налета иранской авиации он спас самого...

– Не нужно ничего говорить, мой старый друг, – попросил Фархад, – сейчас другие времена. Нас могут неправильно понять.

– Вы правы, господин. Но вас все старики помнят. И говорят, что сам Аллах помог вам тогда остаться в живых и спасти отца нашего...

– Я тогда вытащил раненого из горящей машины, – закончил за него Сеидов. – Не будем сейчас об этом вспоминать. У меня к тебе просьба. Наш геолог и его переводчик хотят посмотреть ваши карты, чтобы сверить их с нашими. Ты сможешь все организовать?

– Конечно, господин. Я все сделаю. Пусть они пойдут следом за мной.

– И ваше техническое оборудование, – вспомнил Фархад. – Господин Масуди, вы можете показать нашим сотрудникам состояние вашего оборудования? Если, конечно, это не секрет...

– Какие могут быть секреты от представителя рода «сеидов»? – спросил Масуди. – Пусть они пойдут за мной, и я сейчас вызову нашего начальника технического отдела.

Масуди повел за собой Резникова и Кажгалиева. Вместе с аль-Азраки ушли Гладков и Головацкий. Когда они вышли, Сеидов остался с прилетевшим вместе с ним Муслимом Вюсалом.

– Вы действительно «сеид»? – недоверчиво спросил Муслим Вюсал.

– Кажется, да. Моя фамилия Сеидов, и мой дед был Мир-Джафаром Сеидовым. Его тоже считали прямым потомком самого Пророка, да будет благословенно имя его.

– Почему вы ничего не сказали? – удивился Муслим Вюсал. – А я думал, что вы обычный «кяфур» – неверный. Вы ведь русский, как вы можете быть представителем такого рода?

– Я мусульманин и азербайджанец, – ответил Сеидов, – в такой большой стране, как Россия, живет много разных народов. И миллионы мусульман, которые являются ее гражданами. Вы должны знать, что во Франции живет шесть миллионов мусульман, а в Великобритании два миллиона.

– Значит, вы действительно человек из семьи Пророка, – восторженно произнес Муслим Вюсал. – А кого вы тогда спасли? О ком говорил аль-Азраки?

– Отца одного из сотрудников компании, – соврал Фархад. – Мне повезло, я вытащил его из горящей машины.

– Сам Аллах водил вашей рукой, – убежденно сказал Муслим Вюсал. – Вы разрешите мне взять часть вашей одежды, чтобы показать ее своей семье?

– Обязательно, – согласился Сеидов, – а сейчас подождем, пока вернется Зухайр Масуди, и переговорим с ним. Может, он будет со мной более откровенен, чем с представителями американской или английской компании.

– Они не отдадут вам эту нефть, – тихо сообщил Муслим Вюсал, – я не хочу вам врать.

– Мы знаем. Американцы вообще не любят отдавать то, что им принадлежит. Или им кажется, что это им принадлежит.

– Они никого сюда не пускают, – очень тихо согласился Муслим Вюсал и, оглядевшись по сторонам, еще тише добавил: – Но здесь повсюду есть люди Юсуфа аль-Рашиди, которые не дают американцам нормально работать. Они уже заявили, что не допустят прихода сюда американцев или англичан. Они считают, что эта нефть принадлежит только нашему народу.

– Возможно, они считают правильно, но боюсь, что сегодня никто не готов их слушать. В лучшем случае их могут амнистировать, в худшем – просто уничтожить.

– Их не так легко уничтожить, – возразил Муслим Вюсал, – они повсюду. И самый умный среди них сам Юсуф аль-Рашиди. С его именем мы рано или поздно выгоним отсюда всех «кяфуров» и освободим Ирак.

– Не сомневаюсь, что так и будет, – пробормотал Фархад, – но до этого еще далеко. «Кяфуры» совсем не торопятся отсюда уходить. Они думают, что могут оставаться здесь вечно. Они не могут отсюда уйти, пока здесь убивают, а вы не прекратите убивать, пока они здесь. Вот такой замкнутый круг.

В свой кабинет неспешно вернулся Зубайр Масуди.

– Я готов помогать вам, – взволнованно заявил он, – если вы получите право на разработку этих месторождений. У нас нет ни средств, ни людей, ни технического оборудования. Американцы сначала сразу хотели все купить, но мы им ничего не продали. Ни одного участка. Тогда они решили провести этот тендер. Но потом отозвали свои заявки. А сейчас снова заявили, что готовы в нем участвовать. Мы считаем, что их интересует не только нефть. Они хотят получить контроль над этим участком, который находится на границе с Ираном. Им нужно получить все эти земли под свой контроль.

– А ваш губернатор готов их отдать?

– Конечно. Он американский ставленник. Будет делать то, что ему скажут. И никогда не выступит против американцев. Если они его решат бросить, то он долго не протянет. Пусть снимут охрану с его резиденции – и люди сами ворвутся туда, чтобы покончить с ним. Все знают, как по его звонку был расстрелян дом лидера наших повстанцев Юсуфа аль-Рашиди.

– Повстанцев... – пробормотал Сеидов. – В мире его называют иначе.

– Мы знаем, но для нас он руководитель повстанцев, а не глава террористов, – твердо заявил Масуди.

– И в вашей компании есть люди, которые его так называют?

– Так его называют все иракцы, – сообщил Масуди.

Фархад согласно кивнул. Значит, здесь Юсуф аль-Рашиди не считается террористом. Это достаточно ценная информация, которую нужно будет использовать.

– А вы сможете сообщить ему, что сюда прилетел Фархад Сеидов? – неожиданно даже для самого себя спросил он.

Масуди переглянулся с Муслимом Вюсалом и ничего не сказал. Очевидно, он боялся гнева губернатора не меньше, чем боевиков аль-Рашиди.

– Пусть ему просто об этом сообщает, – настойчиво повторил Фархад, – и больше ничего не нужно делать.

Масуди снова посмотрел на человека губернатора, который находился в его кабинете.

– У нас не может быть связей с этим террористом, – смущаясь, произнес Масуди, – но я полагаю, что мой заместитель аль-Азраки, возможно, знает, где скрываются люди аль-Рашиди.

– В таком случае нужно попросить аль-Азраки, – решительно произнес Фархад, – и вообще я думаю, что вам лучше подумать. Что вы хотите? Чтобы сюда приехали люди, которые не понимают вас и никогда не поймут ваших обычаев и образа вашей жизни? Они будут жить в своих домах, откроют здесь свои казино, ночные клубы, дома терпимости...

– А если придете вы, то здесь ничего такого не будет? – недоверчиво спросил Масуди.

– Будет. Но в гораздо меньших размерах. Возможно, мы сумеем договориться, чтобы сюда возили вахтовым методом наших инженеров и рабочих. Можно даже договориться, чтобы это были в основном мусульмане, которые будут совершать намаз, верить в Аллаха и есть полагающуюся им пищу.

Он подумал, что это будет сделать достаточно трудно, ведь инженеры-нефтяники люди достаточно независимые и в большинстве своем атеисты. Но об этом говорить не следует. Пусть верят, что все прибывающие россияне будут пять раз в день молиться Аллаху и соблюдать все остальные заповеди. Потом разбираться будет поздно, подумал Фархад. Господи, какую чушь я иногда несу. Если среди нефтяников будут верующие люди, то это их личное право. Американцы тоже могут предъявить свои козыри, объявив, что пошлют сюда только мусульман. Как тогда им парировать это утверждение? Только за счет личного знакомства с аль-Рашиди. Нужно будет использовать именно этот фактор, задействовать его на будущее. Пусть вернется аль-Азраки, и тогда Фархад с ним переговорит. Может, ему действительно впервые в жизни удастся задействовать и свои личные знакомства. Он даже не мог предположить, что так охотно раскрывавший ему свою душу Муслим Вюсал был многолетним агентом полиции, который уже твердо решил сообщить своему «куратору» о факте возможного знакомства прибывшего гостя с аль-Рашиди.

Но даже Муслим Вюсал не мог предположить, кого именно спас двадцать два года назад прибывший гость. И ему предстояло узнать об этом уже через несколько минут. И испытать потрясение вместе с руководителем иракской компании Зухайром Масуди.

Глава 5

Люди, далекие от работы спецслужб, наивно полагают, что обычно несчастных агентов шантажируют, заставляя работать на спецслужбы. На самом деле это далеко не так. Шантаж – самое ненадежное средство для удержания агента. Во многих случаях используются совсем иные мотивы – деньги, тщеславие, даже желание многих людей просто прикоснуться к тайне, почувствовать себя сопричастным некоему тайному процессу. Во времена Советского Союза использовалась патриотическая и идеологическая риторика, когда во многих странах мира проникнутые левыми идеями интеллектуалы охотно шли на сотрудничество с разведслужбами СССР.

Агентура разведки и контрразведки – это всегда очень сильно отличающиеся от агентов внутренней полиции или милиции люди. Обычными осведомителями сотрудников уголовного розыска становятся сами преступники. Это своего рода негласный торг, когда завербованный агент решает, кого и когда выдать милиции. А его «куратор» тоже вычисляет, когда и за что удобнее взять своего подопечного на очередном деле, отправляя за решетку.

Существуют нелегальные агенты полиции – это самая опасная и самая жестокая профессия на свете. Нелегальный агент разведки в случае своего провала может рассчитывать на понимание соперника, на отдельную камеру, чашку кофе, хорошие сигареты и даже высылку из страны или обмен на другого агента. Нелегальный агент полиции не имеет права даже на малейшую ошибку. Их участь в таком случае бывает страшной, им не прощают предательства. Чтобы стать по-настоящему своим, нелегальный сотрудник полиции должен превзойти в жестокости и беспринципности нравов своих покровителей и только таким образом может завоевать их доверие.

Но существует и масса обычных осведомителей, никак не связанных прежде с полицией или с преступным миром. Это своего рода «пешки», набранные со всех слоев общества, которые образуют полицейское «сито» в любой стране мира, через которое должна проходить вся информация. Муслим Вюсал был именно такой ячейкой этого «сита». Его завербовали десять лет назад, когда он был студентом университета. И с тех пор молодой человек регулярно поставлял информацию в местное полицейское управление. Даже несмотря на свой карьерный рост, ведь к тридцати годам он уже работал в канцелярии самого губернатора.

Они сидели за столом, ожидая возвращения аль-Азраки. Хозяин кабинета Масуди был несколько испуган просьбой прибывшего гостя сообщить аль-Рашиди о его появлении в этих местах. Даже признание того факта, что он слышал об аль-Рашиди или мог каким-то невероятным образом передать это сообщение его людям, могло стоить ему этого места. Тем более обсуждать подобные новости в присутствии посланца губернатора. Поэтому Масуди испуганно молчал, уже не зная, как ему реагировать на этого странного гостя. С одной стороны, господин Сеидов был высокопоставленным сотрудником российской компании и прибыл сюда как глава делегации и гость губернатора. С другой – он был мусульманином и представителем рода потомков Пророка, а значит, не просто обычным посетителем их нефтяной компании. Помочь представителю семьи «сеидов» считалось честью для любого мусульманина. Но только не в связях с таким террористом, как аль-Рашиди. Масуди осторожно вздохнул. Не нужно было вообще обсуждать эту щекотливую тему. Он опасался и гнева губернатора, и гнева самого аль-Рашиди. Это все равно что попасть между молотом и наковальней.

– Мы все работаем на благо нашего народа, – сказал он, обращаясь к гостю, – и слава Аллаху, что у нас такой губернатор, как достопочтимый Хальдун Нувайри, который отдает все свои силы и знания для процветания нашей провинции. Каждый из нас, кто готов принести пользу своей родине, является достойным большого уважения человеком.

Муслим Вюсал хитро улыбнулся. Он понимал состояние несчастного Масуди, который должен был лавировать между двумя опасностями, стараясь не вызвать гнев ни у одной из сторон.

В комнату вошел аль-Азраки.

– Они уже поехали на промыслы, будут все сами смотреть, – доложил главный геолог, подходя к столу, – я встретил нашего старейшего технолога, который знает все эти места. Он работает здесь уже сорок лет. Знает каждый куст, каждый холм. С вашим геологом он все посмотрит на месте. Но он говорит, что карты очень точные.

– Мы очень на это рассчитываем. Ведь их делали с помощью ваших людей еще в восьмидесятые годы, когда здесь работало столько советских специалистов, – сказал Фархад. Это было его ошибкой – снова вспомнить то время. Он не успел даже остановить аль-Азраки, когда тот восторженно заявил:

– Это было хорошее время. И мы вместе работали. Хорошо работали. А у нас до сих пор все вспоминают, как потомок рода «сеидов» спас отца Юсуфа аль-Рашиди, отдав ему свою кровь. Кровь потомка Пророка, да будет благословенно его имя.

– Что? – Несчастный Масуди чуть не упал со стула. – Вы тот самый специалист, который спас Фаруха аль-Рашиди и отдал ему свою кровь?

Лгать не имело смысла. Отмалчиваться было глупо. В конце концов, это был их единственно реальный козырь, который рано или поздно нужно было предъявить. Завтра будут рассматривать их заявки. И может быть поздно.

– Да, – подтвердил Фархад, – я спас уважаемого Фаруха аль-Рашиди, вытащив его из горящей машины. А потом отдал ему свою кровь. Но тогда он не был отцом известного террориста, а работал заместителем министра экономики вашей страны.

Масуди ошеломленно взглянул на посланца губернатора, ожидая, что тот поможет ему каким-то советом. Но Муслим Вюсал только хищно улыбнулся. Ему нравилась ситуация, в которую попал руководитель компании. Теперь он полностью зависел от него.

– Фарух аль-Рашиди и тогда был отцом Юсуфа, – изрек Муслим, – он породил такое нечестивое семя, что даже кровь потомка Пророка не смогла исцелить Юсуфа, отвлекая его от грязных дел. И имя его будет проклято навечно.

В отличие от Масуди, он не особенно рисковал. Во-первых, он был слишком мелкой сошкой для такого человека, как аль-Рашиди, чтобы тот сводил с ним счеты. Во-вторых, он был посланцем губернатора, а значит, работал на другую сторону, на кровного врага аль-Рашиди, и должен был делать все, чтобы завоевать еще большее уважение губернатора. А в-третьих, он был осведомителем полиции и поэтому должен был доложить о возможной реакции всех присутствующих на его слова. Поэтому он и произнес такую провокационную речь, выжидая, кто и как его прокомментирует.

Первым вмешался Исафили аль-Азраки. Он был хорошим специалистом и считал большой трагедией внутреннее противостояние в Ираке, когда мусульмане убивали мусульман. Хороший геолог нужен был всем режимам, и особенно западным компаниям, поэтому его не трогали ни при Саддаме, ни после Саддама. И он боялся меньше назначенного на должность Масуди.

– Семья аль-Рашиди пострадала в результате удара американских ракет, – укоризненно сказал он, – они сейчас на небесах, в раю. Невинные женщины и дети. Самого Юсуфа можно понять, он хочет отомстить за свою семью и борется за наш Ирак. Я не разделяю его точки зрения и никогда не поддерживал его взглядов. Но я понимаю боль сына, потерявшего мать и брата, потерявшего сестер и их детей. Не нужно так неуважительно говорить об этом человеке.

– Вы тоже так считаете? – спросил Муслим Вюсал, обращаясь к руководителю компании.

Масуди вздрогнул. Нужно было что-то ответить. Молчать не имело смысла. Это был худший из ответов.

– Я ничего не знаю, – закричал он, собравшись с силами, – я только специалист по добыче нефти! Я очень уважаю нашего губернатора и хочу пожелать ему сто лет жизни. Ему и его детям. Если Юсуф аль-Рашиди потерял своих близких в результате налета американцев, то, как мусульманин, я ему сочувствую. Потеря матери – это большая потеря для любого сына. Но я никогда не поддерживал и не могу поддерживать никакие террористические акты в нашей провинции и в нашей стране.

– Вы говорите так, чтобы угодить обеим сторонам, – безжалостно заметил Муслим Вюсал, – нужно определяться, господин Масуди.

Старый аль-Азраки понял, что нужно выручать своего руководителя, который попал в сложную ситуацию.

– А разве мы все не мусульмане? – спросил он, обращаясь к посланцу губернатора. – Разве мы все не являемся гражданами одной страны, братьями по вере и крови? Разве хорошо, когда мы убиваем друг друга? Когда чужие ракеты убивают наших матерей и сестер, наших детей? Разве хорошо, что нашу нефть увозят иностранцы, а мы не получаем за нее достойной оплаты? Мы хотим, чтобы в нашей стране никто не стрелял, никто не убивал друг друга. Ни войска нашего губернатора, ни люди аль-Рашиди. Разве это недостойная цель и разве Аллах в своей милости не благоволит нам?

Муслим усмехнулся. Этот старик настоящий дипломат. Как он ловко вывернулся и еще вытащил вместе с собой своего руководителя. Не напрасно Зухайр Масуди так нервно дышит. Он знает, что хорошо оформленный доклад губернатору лишит его этого места в течение десяти минут после сообщения об этом разговоре. Но Муслим Вюсал не будет торопиться. Хорошо, когда имеешь в своих должниках руководителя крупной нефтяной компании. Хорошо, когда он знает, что ты держишь его судьбу, а возможно, и жизнь, в своих руках.

– На все воля Аллаха, – согласился Муслим Вюсал, – только ему ведомы пути наших судеб. Я еще раз убедился, каким благородством и силой духа наделены все потомки рода Пророка. Наш гость спас жизнь человеку и отдал ему свою кровь. Что может быть более прекрасным, чем его поступок. Отдавший свою кровь во имя благого дела сам становится святым.

Фархад недоверчиво взглянул на говорившего, но не стал возражать. Насчет крови можно было, конечно, поспорить. Всем иракцам было известно, что во времена Саддама Хусейна решено было написать Коран кровью властителя. Он постепенно сдавал кровь – и Коран писали этой красной краской, так быстро застывающей, куда вводили специальный раствор, не давая крови свернуться и превращая ее в красные чернила. Саддам считал, что совершает богоугодный поступок. Очевидно, так не считали миллионы его сограждан, которые не выступили на его защиту, когда скорый и несправедливый суд обвинил его во всех смертных грехах и, отклонив апелляцию, повесил под брань окружавших его врагов.

Сеидов помнил эти кадры, которые обошли весь мир. Бывший диктатор держался удивительно мужественно, а окружающие его палачи выглядели жалкими и ничтожными в своих криках, которые делали из осужденного на смерть настоящего мученика. Саддам был диктатором и тираном. Он был, безусловно, виновен в смерти многих людей. Он травил курдские районы газом, убивая детей и стариков, он истреблял своих политических противников, начал войну с Кувейтом, вел почти десятилетнюю войну с Ираном. На его совести было множество грехов. Но он имел право на объективный суд с участием других судей, не столь ангажированных и пристрастных. Он имел право даже на другую казнь, более достойную и уважительную.

Однако говорить об этом в присутствии посланца губернатора Фархад не хотел. Ведь им еще предстояло вернуться в Басру и оставаться там в течение двух дней. Достаточно и того, что губернатор наверняка узнает о разговоре, который здесь произошел.

– Я хотел помочь раненому человеку, – сказал Сеидов, – и не думал в тот момент о чем-то другом. А его сын в это время был в Англии, где заканчивал учебу. Он был тогда совсем молодым человеком, и кто мог знать, что он станет одним из руководителей «Аль-Каиды».

– Давайте закончим эту тему, – предложил аль-Азраки, – ваши люди уже выехали на места, но вы можете разделить с нами наш стол. Мы все приготовили для встречи.

– Верно, – обрадовался Масуди, – пойдёмте обедать. Нас уже ждут.

– Нам нужно еще многое обсудить, – возразил Фархад, – ведь завтра мы подаем окончательный вариант нашей заявки.

– Тогда за столом и поговорим, – решил Масуди, – у нас еще много времени. До вечернего намаза ваши люди все равно не вернуться.

– Им выделили охрану?

– Конечно. Каждую пару ваших специалистов будут охранять трое или четверо наших людей. Вы можете не беспокоиться. Мы стараемся охранять прибывающих гостей.

Они поднялись, выходя из кабинета. Застолье затянулось до восьми вечера, затем они снова вернулись в кабинет Масуди, продолжая переговоры. Масуди был трусливым и осторожным менеджером, но достаточно компетентным и знающим специалистом. Вместе с аль-Азраки они составили пару, которая сумела наладить добычу нефти даже в таких сложных условиях. Но им не хватало ни техники, ни денег, ни специалистов. Все это могли дать только иностранные компании, одна из которых и должна была выиграть тендер на право добычи нефти в этом районе. К девяти часам вечера вернулись уставшие, но довольные члены делегации. Головацкий был весь перепачкан, но счастливо улыбался. Кажгалиев устало качал головой. Резников привез с собой два исписанных блокнота. Даже Гладков был, кажется, доволен. Их уговаривали остаться на ужин, но Муслим Вюсал предложил лететь обратно в Басру. Иначе ночью можно было нарваться на обстрел террористов, когда летящий вертолет представлял собой почти идеальную мишень.

Делегация вылетела в Басру в десятом часу вечера. Фархад спросил у самого молодого члена делегации – переводчика Кажгалиева:

– Понравилось?

– Просто фантастика, – кивнул Кажгельды, – все разбито, кажется, ничего не должно работать, все давно разгромлено, но они все равно работают. Наверно, так было у нас во время войны, когда вопреки всему люди продолжали работать.

– У них было очень неплохое оборудование, – вставил Резников, – в основном наше и французское. Очень хорошая техника, лучшие образцы. Но за последние пять лет они ничего не меняли. Я не понимаю, почему у них нет средств на замену оборудования. Это такой перспективный нефтяной район...

– Рядом граница с Ираном, – напомнил Сеидов, – и вот уже несколько лет все ждут, когда американцы начнут войну с этим государством. Поэтому здесь никто не решается вкладывать свои деньги и средства. Американцы уже окружили Иран своими войсками. Военные базы в Турции, их союзник Пакистан и две оккупированные страны – Афганистан и Ирак. Остается только Иран, чтобы окончательно установить свое влияние в этом регионе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.